

создана
с характером

Елена
Колядина

Краденое
счастье

Елена Колядина
Краденое счастье

«Центрполиграф»

2010

Колядина Е. В.

Краденое счастье / Е. В. Колядина — «Центрполиграф», 2010

А вы смогли бы влюбиться абсолютно безответно и до самозабвения?
Вырастить огромную, ослепительную, яркую, как солнце, мечту? Любочка была не такая, как большинство жителей Земли. Но они никогда не летали, а Люба летала, сочиняла музыку, пела и мечтала... Да так, что оказалась в Москве и аж в самом Кремле...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Колядина

Краденое счастье

Пролог

ЩИПЦЫ АКУШЕРСКИЕ

Любовь, большая, как долг населения за услуги ЖКХ, никак не хотела покидать тела Надежды Клавдиевны Зефириной.

Застряла намертво.

Ни тпру, ни ну!

Где застряла? В животе, где же еще?

В страданиях Надежды Клавдиевны был повинен Геннадий Павлович Зефирин. Любовь, образно выражаясь, была его рук делом.

Надежда Клавдиевна мучилась уже несколько часов.

Вообще-то разрешиться от Любви Надежда Клавдиевна должна была в другом роддоме, по месту прописки. Но Геннадий Павлович привез ее на мотоцикле с коляской сюда. Надежда Клавдиевна рожала по благу! В роддоме работала акушеркой золовка Валентина!

Родить по благу было мечтой всех знакомых и подруг Надежды Клавдиевны.

– Лишний раз подойдут, лишний раз умереть не дадут, – с надеждой делилась Надежда Клавдиевна с Геннадием Павловичем.

– Понятное дело! – вскидывал головой Зефирин. – Лишний укол какой сделают, еще чего лишнее.

Схватки то усиливались, то слабели, но Любовь упорно не желала появляться на свет божий.

– Чего делать-то? Сил моих больше нет!.. – застонала Надежда Клавдиевна, завидев золовку Валентину.

– Тужься на задний проход! – посоветовала Валентина.

Надежда Клавдиевна набирала воздуху в грудь, надувала щеки, усердно тужилась.

Любовь распирала, давила на печень, топталась по сердцу, но упорно не соглашалась покидать насиженное место – глупо из такого-то тепла души уходить, неизвестно, как там еще, на белом свете, встретят?

– Гос-с-споди! – вскричала Надежда Клавдиевна с тем неизъяснимым страданием в голосе, какое обычно исторгается из груди ответственного квартиросъемщика при виде затопленной верхними соседями ванной.

– Давала, так не орала! – с сочувствием попеняла Надежде Клавдиевне золовка.

Любовь, услышав такую грубую постановку вопроса, возмутилась: «Давала! Бескультурье какое!.. Она, Любовь, – плод любви. Вот хоть на колени теперь золовка Валентина упадет и умолять станет – никуда не уйду!»

Она расцеперилась поперек нежной утробы Надежды Клавдиевны; угнездившись поуютнее, блаженно прижалась щекой и плечом к влажному и горячему нутру и затихла.

Любовь умела затаиваться, как птица в траве. Иногда она так аккуратно сворачивалась калачиком и затихала, что Надежда Клавдиевна в тревоге гладила живот и звонила на службу Геннадию Павловичу. Тот в смятении прибежал в обед домой и тоже встревоженно касался аккуратного животика жены.

Вот и сейчас Любовь задремала. Но дремала чутко, готовая в любой момент напомнить Надежде Клавдиевне о своем мучительном присутствии.

Неожиданно поблизости от Любви наметилось движение.

Кто-то осторожно – ощутила Любовь, – но уверенно, явно не раз хоженным путем пробирался, тихонько клацая, позвякивая и издавая чавканье.

Любовь запрокинула голову и взгляделась во мрак тела Надежды Клавдиевны. Но ничего не увидела.

Внезапно она почувствовала ледяное прикосновение.

Любовь испуганно вскрикнула:

«Кто здесь?!» От неожиданности гость вздрогнул и издал металлический звук.

«Позвольте, а вы кто, смею интересоваться?» – Металлический гость получил старорежимное воспитание и умел изъясняться высокопарно.

«Любовь Зефирова», – пролепетала Любовь.

«Чья, говорите, любовь? Какого такого Зефирова?»

«Геннадия Павловича».

«А что это, позвольте вас спросить, любовь товарища Зефирова делает здесь в рабочее время? Перекурчики устраивает? Любовь должна быть в цехе, в поле, в конструкторском бюро, наконец. Вот где ее место!»

Любовь растерянно захлопала глазами.

«Геннадий Павлович вообще-то сегодня после трудовой смены отдыхает».

«Ах, он по сменам работает? Рабочий класс, значит? Авангард? Что ж, отдохнуть можно. Но опять же: не бездумно время провести, а сочетая, например, с учебной кружка политпросвещения, под знаком углубленного изучения теории и практики коммунистического строительства, разработанных в решениях и материалах XXVI съезда КПСС. Вот это будет содержательный отдых».

Любовь сделала умные глаза и согласно закивала – не навредить бы Геннадию Павловичу!

Гость не унимался:

«Любовь, говоришь? А я так думаю: приспособленец ваш товарищ Зефиров, накипь! В теплом месте время великих строек пересидеть захотел. Любовь! – продолжал громыхать гость. – Возьми, понимаешь, в цехе, на ферме покрепче в руки и люби с перекрыванием нормы!»

Любовь заинтересовалась:

«Что – в руки?»

«Как что?! Лопату, кайло, логарифмическую линейку, карандаш, в конце концов, чем там еще родину любить полагается?»

«Ломом, плугом», – предложила Любовь, ежевечерне слушавшая из маминого живота программу «Время».

«Верно! – Голос гостя потеплел. – А звать-то тебя как, имя Геннадий Павлович своей любви уже придумал?»

«Так Люба же, Зефирова».

«Ах, Люба! – Визитер смутился, сообразив, что слегка оплошал, приняв имя за страсть Геннадия Павловича, но тут же вновь приосанился. – Что же это ты, Люба, тормозишь процесс? Забыла, что завтра Первомай?! Мать твоя, Надежда Клавдиевна...»

«А вы-то сами кто будете? – перебила Любовь. – Что за елда?»

«Я?! – возмутился гость и оскорбленно встал в позу: – Меня – таким словом? Впрочем, я должен был предполагать, что у товарища Зефирова в быту не все в порядке. Яблоко, так сказать, от яблони... Я – Forceps Obstetrico, если по-научному, по-латыни».

«Фор... фор... – Любовь запнулась. – А мама вас как зовет?»

Гость с сомнением взглянул на плод любовных трудов товарища Зефирова: какая такая мама, уж не издевается ли?!

Любовь ждала ответа, простодушно посапывая.

Да нет, вроде не издевается...

«Мы – щипцы акушерские».

«Щипцы?! Ой, мамочка!»

Любовь попыталась протиснуться назад, в глубь тела Надежды Клавдиевны.

Щипцы возмущенно хмыкнули:

«А вы кого собирались встретить в советском родильном доме в разгар трудового дня?»

«Да были тут...» – задумалась Любовь.

«Кто? – Для большей острастки посетитель перешел на «ты». – Не бойся, отвечай! Зефи-ров небось? Вот же человек! Ну, решил провести выходной день не в университете марксизма-ленинизма, а в роддоме, так ты не прохлаждайся! Ты приведи сюда посланцев социалистических стран – вон их сколько на Первомай прибыло! – представителей зарубежных профсоюзных и рабочих организаций, видных борцов за мир и дружбу между народами. Покажи товарищам советские родовые пути – самые прямые пути в мире!»

«Это палец вроде был, в резиновой перчатке», – перебила заскучавшая Любовь.

«И давно был?» – строго спросили щипцы.

«Схваток пять назад».

«А-а! – догадались щипцы. – Электрон Кимович, главный врач роддома. Проводит большую, кропотливую повседневную работу по постановке на партийно-комсомольский учет на время родов и снятию с учета при выписке. Так что он сюда в порядке рабочего момента попал».

«А как это – поставить на учет?» – заволновалась Любовь.

«Советская роженица должна быть охвачена партийно-комсомольской работой в такой ответственный для общества момент. Как говорится, рожать собирайся, а взносы плати! Нет, погоди-ка, может, это Ашот Марксович был?»

«А кто это – Ашот Марксович?»

«Товарищ Мовсесян, заместитель главного врача по хозяйственной части».

«Не знаю, может, и он», – растерялась Любовь.

«Ну точно, Мовсесян! – воскликнули щипцы. – Простыни искал».

«Здесь?» – удивилась Любовь.

«Простыней в роддоме шесть штук пропало, пять наволочек да клеенок четыре штуки. Хищение социалистической собственности в довольно крупных размерах! Ашот Марксович аж с лица спал. Ночь, говорит, в роддоме буду ночевать, в каждую щель залезу, а наволочки народу верну!» «Да, наверное, это был он», – поразмышляв немного, согласилась Любовь.

«Нашел что-нибудь?» – испытующе взглянули щипцы.

«Нет», – виновато ответила Любовь.

«Ох, расхитители! Несуны, вредители! Точно, это давешняя роженица, вчера которая выписалась, клеенки государственные похитила. Она мне сразу подозрительной показалась! Лежит, значит, на этом самом столе, рождает. Подходит к ней Электрон Кимович: поставить гражданку на временный партийно-комсомольский учет. «Рожаете в срок?» – спрашивает. – «На две недели раньше». – «Взносы за этот срок уплачены?» – «А я несоюзная молодежь!» – с вызовом отвечает! Электрон Кимович на ее провокацию не реагирует. «В социалистическом соревновании, – спрашивает, – участвуете?» А та кричит: «Не могу больше!» Электрон Кимович аж отпрянул: «Как это не можете? Вы понимаете, что говорите?»

«А она что?» – встревожилась Любовь.

«Терпеть, – говорит, – больше не могу!» Электрон Кимович оглянулся – не слышал ли кто? – и начал роженицу убеждать. Мол, будьте активным участником социалистического соревнования! Оно сделает вашу жизнь интереснее, духовно богаче, поможет быстрее овладеть секретами мастерства».

«А она?»

«Ой, помру сейчас», – свое твердит. Электрон Кимович, как врач со стажем, ей советует: «Сперва давайте с соревнованием обозначимся!» Роженица стонет: «Давайте! Как?» Прибежала Валентина, акушерка, матери твоей золовка. «Тужься, – рекомендует, – на задний проход». Электрон Кимович рукой махнул, мол, пусть через что получится, лишь бы накал трудового соревнования. Между нами говоря, – щипцы понизили голос, – оно так чаще всего и делается, не хотят еще многие участники избавляться от формализма. Так вот. Хоть и не охваченная общественной работой, но та гражданка перекрыла норму в два раза: двойню родила. В последний момент, очевидно, совесть рабочая в ней проснулась. А взносы так и отказалась уплатить! «Отвяжитесь, – говорит. – У меня теперь каждая копейка на счету, кто мне двоих кормить будет – профсоюз?» Ох, я теперь даже не сомневаюсь, где простыни с клеенками лежат. Ну ничего, ОБХСС наволочки советских тружениц живо найдет! Ашот Маркович, правда, пока милицию привлекать не хочет. «В ОБХСС, – говорит, – я всегда успею!»

Щипцы бормотали и бормотали, усыпляли Любину бдительность и тихонько перемещались ближе...

И неожиданно засияли в свете люминесцентного светильника.

Любовь разглядела блестящую металлическую лысину. И наконец-то захотела спросить, зачем, собственно, щипцы сюда пробрались?

Но не успела.

Издали стремительно надвигался палец.

«Вот он, вот он! – возбужденно закричала Люба. – Держите! Сейчас узнаем чей!»

«И узнавать нечего! – пробормотали щипцы. – Эллы Самуиловны палец. Сейчас мы с ней пробную тракцию производить будем».

«Что это такое – пробная тракция?» – заволновалась Любовь.

«Чистая формальность! – недовольно сообщили щипцы. – Элла Самуиловна проверит, не соскальзываю ли я».

«А-а! – успокоилась Любовь. – Конечно, здесь поскользнуться – запросто. Мокрень. Вы уж потихонечку, держитесь. Или за меня ухватитесь».

«Спасибо, деточка! Я, пожалуй, за тебя и схвачусь. За головку, ладно?»

Щипцы, смущенные Любиной наивной готовностью пособить ускорению родов, отвели взгляд и деликатно легли на нежную головку в области теменного бугра.

Но когда рукоятки замкнулись, щипцы охватил трудовой порыв. Они изо всех сил сжали рукоятки, готовые вырвать Любовь из тела Надежды Клавдиевны живой или мертвой!

Элла Самуиловна коснулась концом правого вытянутого указательного пальца головки Любви, левой рукой потянув за щипцы.

Любовь вскрикнула, нижняя губка у нее задрожала от боли.

Элла Самуиловна настойчиво тянула, щипцы крепко держались за голову. Головка продвинулась вперед, оставшись сомкнутой с пальцем.

– Нормально, – констатировала Элла Самуиловна. – Отдохните, – разрешила она Надежде Клавдиевне.

Щипцы самую малость ослабили хватку.

– Все? – дрожащим голосом с облегчением спросили Люба и Надежда Клавдиевна.

– Почти, – солгали щипцы и Элла Самуиловна.

– А зачем щипцами-то? – робко поинтересовались Надежда Клавдиевна и Любовь.

– Сами виноваты, женщина, плохо тужитесь. Ленились! Тем самым вызываете угрозу асфиксии плода, – строго ответила Элла Самуиловна.

«Завтра ведь Первомай. А у нас еще собрание не проведено, – пояснили щипцы Любе. – Помещения к празднику не украшены. Транспаранты не распределены. Дел по горло, а тут ты. Совсем не ко времени! Вот и решили ускорить. К тому же всем от этого только выгода: ты скорее войдешь в большую и кипучую жизнь, а мать твоя на демонстрацию успеет сходить».

Хочется наверняка влиться в колонны демонстрантов, с веселой майской песней пройти праздничным трудовым маршем. А потом прямо из колонны отправиться в цех, чтобы, сменив своих товарищей, встать к станкам, портвейна выпить, другого какого вина, с бригадиром вместе. – Щипцы, задумавшись, бормотали все тише и тише и, наконец, замолкли. – О чем я говорил?» – встрепенулись они через минуту.

«Вина чего-то», – припомнила Любовь.

«Ах да! Вот я и говорю: Надежда Клавдиевна сама отчасти виновата. И ты тоже. С ленцой рожаєте, спустя рукава!»

В коридоре послышались тревожные шаги главврача.

– Элла Самуиловна, голубушка, – Электрон Кимович умоляюще сложил руки на груди, – давайте поторопимся! Собрание же еще! Столько вопросов! У меня доклад, Валентина сообщение подготовила, Ашот Марксович просил дать слово.

– Электрон Кимович, начинайте, докладывайте, я думаю, женщина... – Элла Самуиловна, прищурившись и слегка откинув голову, зорким взглядом дотянулась до лежащей на столике медицинской карты, – Надежда Клавдиевна Зефирова не будет против. Ей даже полезно будет поучаствовать в собрании. Пролетарское единство – могучая сила и источник побед.

– Вот и славно! Начинаем, значит? – Электрон Кимович снял трубку телефона и громко призвал зама: – Ашот Марксович? Ну что же вы? Собрание уже вовсю идет! Как где? В родзале. Быстро-быстро, дорогой мой, присоединяйтесь. Потом простыни поищем. Завтра! После демонстрации всем коллективом друженько за это дело возьмемся. Наволочки, клеенки, все вернем народу. Нравственная чистота, коллективизм – вот из чего складывается коммунистическое отношение к труду. Нет, это я не про простыни. Это я доклад репетирую. В общем, начинаем без вас, а вы подтягивайтесь.

Электрон Кимович вытащил из ящика стола скоросшиватель с бумагами и скороговоркой открыл собрание:

– 30 апреля, предпраздничное партийно-комсомольское, – он взглянул на Надежду Клавдиевну, – в присутствии одного несоюзного члена, собрание предлагаю начать. Кто за, кто против, кто воздержался? Собрание считать открытым. Кто у нас первым вопросом?

– Я, – вздохнула Валентина, вытащив из кармана клеенчатого фартука ученическую тетрадь за две копейки. – Доклад. «Преемственность славных боевых традиций поколений». Новаторские начинания коллектива...

– Элла Самуиловна, вы – следующая. У вас – что? – громким шепотом обратился Электрон Кимович.

– «О борьбе с буржуазной и ревизионистской идеологией», – перехватив щипцы покрепче, откликнулась Элла Самуиловна.

– Мне-то чего, дальше говорить? – подняла голову от тетради Валентина.

– Конечно, вы знай себе рассказывайте о коллективизме, не обращая внимания на коллектив. Коллектив вас слышит!

Валентина тяжело вздохнула и перевернула страницу, закрутившуюся трубочкой:

– Вот металлурги завода «Серп и молот». Рабочий депутат Верховного Совета СССР Василий Блюев год назад обратился ко всем сталеварам страны с призывом – бороться за право варить... чего варить-то? Потеряла!..

– Сталь, наверное! – нетерпеливо подсказал Электрон Кимович. – Не самогон же!

– Да! – подтвердила, припомнив, Валентина. – Его бригада спяна... Спяна... – Акушерка вновь принялась водить глазами по тетради. – Спяна! Его бригада, Блюева, значит, спяна...

Надежда Клавдиевна и Элла Самуиловна засмеялись.

– Что такое, что такое? – Электрон Кимович постукал ручкой по столу.

– Да вы сами меня сбили самогоном своим, – обиделась Валентина. – Кстати, Электрон Кимович, брагу-то будете ставить, так перчатку на бутылку наденьте. Натте вот.

Валентина пошарила в кармане клеенчатого фартука и вслед за шоколадной конфетой извлекла резиновую перчатку.

– Не надо мне! – отмахнулся Электрон Кимович.

– Ваше дело не наше: спирту небось запасли к празднику.

– Валентина! – призвал докладчицу к порядку Электрон Кимович.

– Не могу больше! Сил моих нет! – На пороге внезапно появился, тяжело дыша, Ашот Марксович.

– Тужься на задний проход! – привычно велела Валентина Надежде Клавдиевне.

– Так и не нашел клеенки? – сочувственным шепотом произнес Электрон Кимович заму.

– Клеенки! Тут другое дело! В КПСС «г» получается!

– Что, прямо оно самое? – встревожился Электрон Кимович.

– Ну не «г», так пустое место! – с досадой воскликнул завхоз. – Вот и выбирайте, какая КПСС вам больше нравится?!

– Объясни толком, Ашот Марксович, – забыв о докладе, потребовал главврач.

Валентина обрадовалась перерыву и наклонилась к Надежде Клавдиевне:

– Надежда, у тебя трикотина-то отрез еще остался? Ты бы уступила мне его, Наташке на выпускной платье сшить. Уступишь?

– Ага! – пообещала Надежда Клавдиевна.

– Вы мне, Электрон Кимович, позавчера еще велели продумать праздничное украшение помещений роддома, – напомнил завхоз. – В кумачовом обрамлении родильное отделение, это само собой. Но в этом году я задумал кое-что новое: собравшиеся в самой большой палате новорожденные образуют буквы «КПСС».

– За руки, что ли, возьмутся? – удивился Электрон Кимович.

– Да нет, я кровати велел словом «КПСС» выставить. И такая неприятность – в букве «С» не хватает внизу перекладинки, в смысле кровати. Вместо «С» получается «Г».

– А если пустую поставить, без новорожденного? – нахмурился Электрон Кимович.

– Так я о чем вам и докладываю: в КПСС пустота намечается.

– Ты, Ашот Марксович, понимаешь, что говоришь?! – тревожно отпрянул главврач.

– Вы от меня-то чего хотите? Я, извиняюсь, родить не смогу при всем желании. Вон, торопите гражданку! Как ее?

– Зефирова.

– Вот. Поставьте задачу! Призовите к партийной сознательности.

– Да она несоюзная! – с сожалением произнес Электрон Кимович.

– Тогда не знаю! – развел руками Мовсесян. – Но за «г» в партии нас точно по головке не поглядят! – Внезапно Ашота Марксовича осенило: – Может, из «грязного» отделения новорожденного позаимствуем?

– А кто там, в инфекционном, сейчас свободен?

– С хламидиозом есть.

– С ума сошел?! – Электрон Кимович сделал большие глаза. – Ты бы еще с гонореей предложил.

Электрон Кимович с шумом втянул ноздрями воздух.

– Валентина, кончай давай с преемственностью, со славными боевыми традициями или чего там у тебя, все рожаем друженько.

– А «Борьба с буржуазной и ревизионистской идеологией»? – напомнила Элла Самуиловна.

– Элла Самуиловна, голубушка, не до борьбы ревизионистской сейчас! Того и гляди ревизия нагрывает мягкий инвентарь искать, так хоть наглядной агитацией отмажемся. Ашоту Марксовичу срочно нужен еще один младенец. Что у нас с Зефириной, доложите!

– Слабость вторичных родовых схваток...

– Накладываем щипцы!

– ...не наблюдается.

– А щипцы чего тогда здесь?

– К собранию торопилась, – едва слышно сообщила Элла Самуиловна. – Провела пробную тракцию.

– Давайте собственно тракцию производите! Что вы, голубушка, кота за хвост тянете? Прямо как не член партии!

Элла Самуиловна гневно задышала.

Щипцы возмущенно клацнули.

«А теперь что?» – робко спросила Любовь.

Щипцы крепко ухватили ее головку:

«Ну, Любовь, вперед, по ленинскому пути! Куда бы ни направляла партия товарища Forceps Obstetrico (щипцы были явно в ударе), он всегда и везде с присущей ему энергией...»

Любовь громко закричала, прервав бодрую речь щипцов:

«Ой, больно! Больно!»

Она раскинула ножки и ручки и крепко уперлась в тело Надежды Клавдиевны.

– Что там такое? – Электрон Кимович склонился над Зефириной.

– Не прорезывается! – озабоченно доложила Элла Самуиловна.

Любовь, всхлипывая от боли, крепко держалась внутри.

«Э-эй, ухнем!» – скандировали щипцы.

– Мы придем к победе коммунистического труда! – оптимистично пообещал роженице Электрон Кимович. Но, вспомнив, что не завершил как полагается собрание, уточнил: – Надежда Клавдиевна, включаем вас в соревнование за звание «Молодой отличник качества» и сдачу продукции по талонам комсомольской гарантии.

Щипцы, стиснув зубы, сжали ложки.

Элла Самуиловна рванула по проводной линии таза.

– Ой, не оправдать мне такого доверия! – дико закричала Надежда Клавдиевна и родила Любовь.

– Девочка! – сообщила Элла Самуиловна, высоко подняв Любовь, и попыталась разжать щипцы на ее головке.

– Наследница и продолжательница славных революционных и трудовых традиций рабочего класса! – радостно поздравил Надежду Клавдиевну Электрон Кимович и ободряюще похлопал ее по плечу.

Щипцы крепко сжимали затылочные и теменные бугры Любы.

Элла Самуиловна с трудом разжала их хватку и поставила на место надвинувшиеся друг на друга мягкие косточки Любиной головушки.

«Чего-то я ног под собой не чую», – робко проговорила Любовь.

«Это ты от счастья!» – пояснили щипцы.

Глава 1

ПОЛЕТ НА ИНВАЛИДНОЙ КОЛЯСКЕ

– Пошла! – Двое мужчин в камуфляже широко, как опоры высоковольтной линии, расставили ноги, с усладой крякнули и выметнули Любу прочь.

Сделав дело, они замерли и вытянули шею в проем люка самолета, в сладком ужасе предвкушая яркую трагедию.

Люба, судорожно, как ребенок, учуявший, что его задумали оздоровить уколom, вцепилась в поручни инвалидной коляски, описала в воздухе стремительный кувырок, продемонстрировав стробоскопический эффект, устроила на мгновение затмение солнца и, наконец, запела не своим голосом.

– Ух, крутится – как черт с письмом! – одобрил Любин вираж один из пилотов. – Ходовая девка!

– Оторви да брось! – радостно подтвердил его напарник. – Песни еще исполняет! Во моратории какие выводит.

– Оратории.

– Я и говорю, хорошо орет.

Инструкторы в последний раз проводили Любу взглядом и, споро поборов мощный поток воздуха, прикрыли люк самолета.

«Ой, коляски добрые! – Кресло-коляска завопило так истошно, словно к нему приближался газорезчик. – Ой, пропадаю ни за понюшку штырей!»

Еще мгновение назад, на пороге открытого люка самолета, коляска показала недюжинную выдержку и смелость.

«Эх, пропадай моя телега, все четыре колеса!» – отчаянно воскликнула она, крепко сжав в объятиях Любу.

Но поток восходящего воздуха перевернул коляску вверх подножками, отчего она утратила функции опорно-двигательного аппарата и самообладание.

«Что ты орешь?! – возмутилась Люба, прервав восторженную песню, и приоткрыла веки. – Инструктора напугала! Смотри, бледный какой. В дверь вцепился».

Люба любила мысленно побеседовать с окружающими вещами. А с кем еще разговаривать девушке, с рождения привыкшей быть одна-одинешенька: сперва в самодельном манежике и кровати, затем – в инвалидном кресле.

Ветер не преминул поцеловать Любины глаза. И, не встретив сопротивления, жадно ворвался в Любин рот.

Захлебнувшись, Люба произнесла не совсем то, что намеревалась.

Поэтому до коляски донеслось:

«...то ты дерешь?!...мыча пукала!»

Коляска пошла в атаку:

«Ничего я не деру! Это ты мне сиденье задом продрала. И зачем я только согласилась!»

«А кто тебя... ой!.. заставлял? Сама захоте... ой!.. ла». – Люба вновь совершила кульбит.

«Что мне оставалось делать? – заголосила коляска. – Отпустить тебя одну? Сиди потом внизу, думай: то ли она в утиль разобьется, то ли улетит, с пути разом собьется. А мне потом куда – в дом престарелых?»

«Уж ты сразу – в дом престарелых! Болты из тебя вроде еще не сыплются. В протезно-ортопедическое учреждение можно, в стационар», – с серьезным видом предложила Люба.

«Ой, сглазила! Ой, открывай, Любушка, скорее велоаптечку, доставай насос со шлангом!»

«Да что случилось-то?»

«Ой, колес под собой не чую! Ни больших приводных ведущих, ни малых! Ой, подлокотники гудом гудят, подножки в поджилках дрожат. Ой, Любушка, прощай!.. Простите, коляски добрые, если кого обидела. Ну кто тебя, Любушка, за ноги тянул с парашютом прыгать? Чего тебе у меня на коленях не сиделось?» «Как ты не понимаешь? Я была калекой, инвалидом с ограниченными возможностями. И вот – лечу! Значит, я – инвалид с безграничными возможностями!»

«И что с того? – не унималось кресло. – Что ты теперь, на ноги вскочишь? С колес встанешь?»

«С колес не встану. А с колен – точно», – сияя, объявила Люба, стараясь не вспоминать, как всего с час назад передвигалась дома ползком.

Ползала даже не на четвереньках – этого не позволяла форма Любиного паралича, спастическая диплегия, а в позе русалочки, сидящей на камне: перетаскивала, подтягивала за собой, волокла рыбий хвост безвольной нижней части туловища.

– Наш раненый партизан пробирается, – обычно шутил Геннадий Павлович, завидев Любу полулежащей на пороге комнаты.

«Вот, значит, как! – обиделась коляска. – Колени ей мои плохи. Двадцать с гаком лет сидела, а теперь гнушается».

«Какая ты непонятливая. Я со своих колен встану. Забыла, что Горький говорил? «Рожденный летать ползать не может».

Горького коляске крыть было нечем. Против Горького не попрешь. И она примолкла было, недовольно запыхтев, но тут же закатила глаза и вновь заголосила, давя на жалость: «Ой, держите меня за ручки для сопровождающих лиц, хватайте за тормоз, а не то лопнет мой центральный шарнир!»

Сообразив, что кресло вовсе не умирает, а вопит единственно, чтобы разогнать страх и самую малость – из вторичной психологической выгоды: продолжать ощущать себя незаменимой частью Любиного тела, Люба перестала обращать на крики внимание. Она широко, как крылья, распахнула глаза и задохнулась от восторга!

Доказывая коляске необходимость полета, Люба и не заметила, что уже не падает вниз оброненным кошельком, а плывет над землей, словно в воздухе расстилается невидимая дорога. Это ветер подхватил Любу крепкими мужскими руками в тот момент, когда кресло сидело верхом на Любе, и нес, делая вид, что ему нисколько не тяжело.

Люба летела в перламутровом сияющем фейерверке дрожащих капель, частиц воздуха, преобразенных солнечными лучами в брызги шампанского, трепещущих струй и слюдяных стаяк белесых толкущихся козявок. А потом плыла в парном молоке загорелого летнего воздуха и пела счастливые песни собственного сочинения.

Вообще-то песни были грустными, про безответную любовь. Но Люба полагала, что в вопросе неразделенных чувств ей повезло больше всех на свете: никому на земле не выпадала еще такая огромная безответная любовь!

Люба оттого была безраздельно счастлива.

«За что мне столько счастья?!» – радостно недоумевала девушка, пролетая сквозь золотистый столб воздуха. Она, Люба, может сочинять песни. Она может громко петь их. Она может сама ползать из комнаты в комнату. Она может летать. Она может все! А ведь множество людей могут только ходить. И ничего больше!

Внизу, на глубине тысячи метров в прозрачной воде неба показалось озеро, на берегу которого лежал Любин городок. Озеро было таким большим, что сливалось с занавесом горизонта и оттого всегда казалось Любе бескрайним. Она представляла озеро океаном и мечтала,

как окажется на другом его берегу, усыпанном мерцающими огнями больших городов с отапливаемыми концертными залами. И она будет там петь для большого числа зрителей.

Как ни странно, мечта ее начала сбываться – вскоре показался другой берег озера. Впрочем, Люба не видела в этом ничего странного. Мечта тем и хороша, что может быть бескрайней и при этом вполне уместиться в чашу озера в глухом городке Вологодской области. Мечта – это тот случай, когда начисто опровергается постулат о том, что часть всегда меньше целого. Многие люди твердо убеждены в этом. Ошибка в убеждениях возникла из-за того, что эти люди могли ходить. Они выходили за порог своего дома, шли вроде бы верной дорогой, но быстро уставали. И возвращались назад в твердой уверенности, что мир гораздо больше той части пути, которую может осилить человек. А Люба ходить не могла. Измерять тернистые пути шагами собственных ног ей не довелось, весь ее мир был в песнях, поэтому она была абсолютно уверена, что он, мир, ей по плечу. Надо только встать с колен. Твердо встать на ноги. Ногами вполне могут быть и руки. Если они с головой. Люба свои руки тренировала неустанно: отжималась от пола; делала стойку, упершись в поручни коляски; десятки раз подряд снимала и вновь ставила на вытянутой руке кастрюлю на плиту; до изнеможения крутила ведущие колеса, не позволяла Надежде Клавдиевне катать кресло за ручки для сопровождающих лиц.

Неожиданно Люба почувствовала резкий рывок вверх. Над головой раздался хлопок, какой издает развевающееся знамя, и Люба увидела купол раскрывшегося парашюта. Захватывающий дух полет вперед сразу прекратился. Люба и коляска повисли. Так часто бывает, когда тебя хотят спасти: ты уже не летишь, а стабильно и безопасно болтаешься между небом и землей.

«Эй! – строго прикрикнула коляска. – А ну, не балуй. Чего привязался?»

Парашют сохранил военную выдержку. Он лишь слегка покачал головой, мол, вот с какой публикой приходится иметь дело. Дожили – коляски инвалидные небо покорять надумали. Эх, до чего Горбачев с Ельциным нашу авиацию довели!

Люба деликатно подергала стропу, надеясь возобновить стремительное движение вперед. Но парашют держал свою ношу упорно, как веревка висельника. Веревка туго знала свое дело! Дергайся не дергайся – мое дело удержать тело. Согласитесь, такая верность своему профессиональному долгу не может не вызывать уважения.

«Парашют только накинь, а черт сам затянет», – бестактно, но довольно к месту перефразировав народную мудрость, припугнула Любу коляска.

Тут же, впрочем, перекинувшись на парашют, она принялась чихвостить купол.

«Полетать не дал людям, бес! Только озеро облететь собрались, поглядеть, как там, на другом берегу, не осталось ли колесных пароходов? А тут тебе леший надавал».

Люба, заслышав этот экспромт, фыркнула. Дабы прервать ворчание коляски, парашют снисходительно заскользил в сторону дальнего берега.

По озеру пробежала серебристая волна, и Люба с восторгом увидела, что это играет косяк мелкой рыбки, наверное – сушика. Или шпрот. Ой, нет, шпроты – золотистые. Значит, все-таки сушик. От избытка красот Люба вновь запела, любуясь своим тонким, но сильным голосом:

– О дельтаплан, спаси его!..

Коляска скривилась. Песня, прямо скажем, не была шедевром. Он (кто – «он», было известно только Любе) не понял ее (Любы, надо полагать) любви и улетел на дельтаплане с другой. Разбежался и прыгнул с обрыва. Но (видимо страдая дальтонизмом), несчастный принял дельту реки за колышущееся поле и рухнул прямо на дно. А Люба, в смысле героиня Любиной песни, разбежалась и прыгнула с обрыва следом. Н-да.

Надо сказать, коляска к Любиным песням о любви, в силу известного жизненного опыта, относилась предвзято.

«И дышали полной грудью стены, что немы... Может, эти привиденья были и не мы?» Ну что это такое? Коррозия металла натуральная, – критиковала коляска (мысленно, конечно,

мысленно!) очередной Любин крик души. – Ты сочиняй: солнце на спицах, синева над головой! Это я понимаю».

Но вслух коляска этого не говорила. Зачем расстраивать несчастную девочку: пусть помечтает, что пишет замечательные песни и непременно станет известной певицей, покорит Москву.

Чайкам, которые обгоняли Любу с коляской, песня тоже показалась сомнительной.

«Кто это нужду тянет?» – застонал главарь, здоровый, как буревестник.

«Зефирова, – поморщилась тучная чайка. – Песня называется! Ты пой про тину, про червей. Про богатые запасы промысловой рыбы. А тут... Пошлость га-гая! «Гы-гы, ты меня не зови, гага, я уже не твоя». Того и гляди про браконьеров петь начнут. Барды!»

«Бардак», – согласилась еще одна раскормленная чайка, толстая, как больничный чайник.

Парашюту упоминание о дельтаплане не понравилось еще больше, чем чайкам. А кому понравится? Парашют резко, как реформа ЖКХ, затормозил. Люба и коляска повисли над озером.

Люба опасливо поглядела вниз.

«Может, вы как-то сможете продолжить наше движение?» – почтительно спросила она парашют, задрал голову.

Парашют взглянул вниз. Любины тонюсенькие русые брови были испуганно изогнуты домиком. Между ключиц, в яремной ямке, тревожно билась жилка. Парашют качнулся и великодушно поплыл к берегу.

«Спасибо!» – искренне поблагодарила Люба.

Поравнявшись с чайками, Люба извинилась и перед ними:

«Конечно, мои песни еще не совершенны. Я постараюсь петь потише. Простите, что потревожила».

Чайки умилились.

«Что вы, Люба, пойте сколько влезет!» – Главарь взглянул на Любин редкой красоты нос уточкой, на выгнутые птичьими лапками ступни, на торчащие, как пух, волосы и пробормотал: «Ничего, симпатичная»

Тучная чайка жалостливо подумала: мало того что летать не может, так еще и ходить, и зашмыгала носом.

«Стебель как лебедь. В нем все готово к взрыву. И ссадины не случайны, и я лечу к обрыву!» – неожиданно с удовольствием заголосила чайка Любину песню, вспомнив про свою несчастную любовь прошлого охотничьего сезона.

«Ой, не думала я, не гадала, что эдак моя жизнь окончится, – то ли не заметив возобновившегося движения, то ли обрадовавшись возможности лишней раз громко пострадать, продолжала причитать коляска. – На дне морском, в страшной мучительной водянке».

Инвалидное кресло-коляска полагало себя великомученицей. Оно любило думать о том, что беззаветно посвятила жизнь Любе: осталась рядом с ней, забыв о своей личной женской судьбе.

...«Ведь не слушает никогда, что ей говорят! – испуганно забормотала коляска, увидев, что парашют стремительно несет ее и Любу к другому берегу озера. – Ужас, чайки даже отстали».

Чайки действительно сменили направление полета. Вид Любы – без ног, без крыльев, без клюва, но такой доброй и смелой – подействовал на маршрут птиц. Они, честно говоря, летели в надежде поживиться новорожденными утятами чирков и крякв да закусить свежими мальками. Но решили, что пока вполне обойдутся тиной и выброшенными на берег дохлыми синцами. А насчет утят... Решено было дожидаться, пока они подрастут, и тогда уж в честной

справедливой конкурентной борьбе на равных биться за рыбную добычу. Более того. Вскоре чайки примкнули к рядам защитников живой природы и стали бороться с производителями и продавцами пухо-перьевых изделий. Стремглав налетев стаей на городской рынок, они гадили на китайские куртки-пуховики, подушки и перины. «Опять чайки товар обосрали!» – возмущались торговцы. К сожалению, люди не понимали их высоких устремлений. Но так уж устроен мир: творя добро, приходится гадить.

А пока... Пока топографическая карта местности на глазах Любы превратилась в макет: игрушечные деревца, картонные домики, присыпанные песком дорожки, коровы величиной с муху. Ох, уже не с муху, а с собаку: Люба и коляска стремительно двигались к земле!

«Ноги в руки, Любушка!» – дико проорала коляска, опасаясь, что парашют протащит их обоих по полю и шоссе и Любины безвольные ступни будут цепляться за каждую кочку.

Люба обхватила руками колени и подтянула ноги к груди, отчего задом еще глубже провала дерматиновое сиденье.

Коляска взвыла.

Раздался грохот и металлический скрежет. Однако движение вперед не прекратилось.

«На железную дорогу приземлились, – вскрикнула коляска. – И я теперь – дрезина».

Рельсы под колесами мерно качались.

«Нет, не железная дорога, – смекнула коляска. – Но железо откуда? Неужели на высоковольтную вышку парашют нас с Любушкой бросил?»

Коляска приоткрыла глаза. Огляделась. Люба сидела у нее на коленях сжавшись в комочек: провалившись в дыру сиденья, обняв ноги и зажмурив глаза.

Сориентировавшись на местности, коляска охнула.

Они мчались над шоссе. Не по асфальту, а именно – над...

«Видишь теперь, куда приводят мечты?!» – сдавленным голосом накинута коляска на Любу.

Люба медленно разжала руки, приоткрыла веки, огляделась сквозь щелочки и распахнула глаза.

«Вижу. На джип, – недоуменно ответила Люба. И тут же рассмеялась: – Мечты приводят на джип!»

Глава 2

ДЖИП С ВОЛГИ

«На джип? – Коляска покосилась на накачанную спину роскошного внедорожника. И сварливо предрекла: – Поматросит он нас с тобой и бросит».

«Ты не понимаешь! – Люба старалась удержаться на мчащейся верхом на джипе коляске. – Это судьба! Это принц на белом, – она бросила взгляд на капот, – на вишневом коне, и он унесет нас за синие леса, за дальние моря».

Поразмыслив, куда именно мог бы мчаться ее принц, Люба рассмеялась и закончила: «В студию звукозаписи!»

Джип резко затормозил и остановился:

«Э, бабы! Совсем озверели?!»

«Получила принца?» – зловеще попеняла коляска Любе.

«Кидаются уже на ходу!» – орал джип.

«Принцы принцесс безголовых за моря увозят, Любушки безногие им не нужны», – гнула свое коляска.

«А ну, слезли и пошли отсюда! – драл глотку внедорожник. – Некогда нам сейчас. Не до девочек – торопимся».

«Он сейчас выйдет!.. – с придыханием, почти плача от нахлынувшего ожидания любви, произнесла Люба. – И все перевернется с головы на ноги!»

«С ног на голову» обычно говорят, – не утихала коляска. – Те, у кого есть голова, конечно. Мало того что ног нет, так еще и голову потеряла!»

Эту, последнюю, фразу коляска произнесла очень тихо и в сторону от девушки.

«Начнется другая жизнь!» – ликовала Люба.

«Другая, а как же: в коляске, да еще и на костылях. Потому что принц как выйдет, первым делом тебе по шее надает, а мне колеса свернет!» – шумела коляска.

«Надо запомнить это место, – закрутила головой Люба, – место, с которого...»

«Все встанет на свои места, – упиралась коляска. – Не сойти мне с этого места! Сейчас, сейчас... Вылезет принц твой из машины, сориентируется на местности и все расставит по своим местам: Любовь на коляску, коляску на дорогу, дорогу – в путь-дорогу до места следования по месту постоянного проживания».

Внезапно коляска затихла и, выдержав паузу, умоляюще произнесла: «Любушка, ты забыла? Мужчины калек не любят».

Хлопнула дверь джипа. Люба вздрогнула.

Владелец внедорожника барабанил пальцами по капоту, глядя на багажник.

На багажнике стояла инвалидная коляска с молодой девкой. Зад девки в джинсах провалился в разодранное дерматиновое сиденье. Сбоку, вялый и слипшийся, как старый гондон, свисал парашют.

«Не мало ли вас? Не надо ли нас?» – заискивающе пробормотала коляска, надеясь разрядить обстановку.

«Х-хэ!» – ухмыльнулся джип.

«Тихо, не говори ничего!» – пробормотала Люба коляске и незаметно погладила сиденье. Хозяин джипа молчал.

Люба приняла молчание за сдержанное понимание.

– Вы не знаете, до Москвы отсюда далеко? – вжавшись в спинку коляски и явно плохо соображая, спросила Люба.

«Ну и чего сказала? Ни к селу ни к городу!» – забубнила коляска.

Взгляд водителя стал еще более тяжелым.

– Как до Китая раком.

Разговор явно не вязался.

– А я по гороскопу Телец, – обрадовалась Люба.

«Это судьба!» – съязвила коляска.

– А вы, значит, Рак по гороскопу? – спросила Люба.

– Я-то? – Владелец джипа языком нашарил в промежутке между зубами застрявшую с обеда крошку мяса. – Типа того.

Люба взглянула в лицо хозяина джипа. Как он красив!

«Вылитый тюлень», – поморщилась коляска.

Как нестерпимо прекрасен! Невысокого роста, коротко постриженный, с золотой цепочкой в вороте черной рубашки. Черная кожаная куртка, черные же джинсы, золотые часы – какое у него чувство вкуса! Зуба одного сбоку нет – бедный, наверное, потерял, когда защищал незнакомую девушку. Шрам на щеке – ой, он потерпел аварию! Люба бредила. Люба сошла с ума. Ну конечно: ее стукнуло парашютом по голове.

«Любовь моя!» – прошептала Люба.

«Любовь, ты – слепая! – трагически предупредила коляска. – Давай быстрее слезать да убираться отсюда. Еще свалиться не хватало, детали переломать. – Внезапно коляску осенила другая, еще более кошмарная догадка. – Что обо мне люди подумают? – драматическим голосом произнесла она. – «Что это у вас с колесом?» – «Сломала, когда с джипа слезала». Ой, мама родная, стыд какой!»

«Это он! Он!» – не слушая коляску, прошептала Люба.

«Маньяк?» – нарочно ужаснулась коляска, делая вид, что не понимает, о чем говорит ее бедная девочка.

«Прекрати!» – пробормотала Люба.

«Девушка, у вас телефон есть?» – неожиданно спросил джип коляску.

«Какая я тебе девушка?» – возмущенно откликнулась коляска.

«Замужем, что ли?»

«Вдова», – отмахнулась коляска.

«Затрахала небось мужа до смерти?» – подмигнул джип.

Коляска задохнулась от возмущения.

«Любушка, рассуди ты сама логически: может джип полюбить инвалидную коляску? Не может. Значит – маньяк», – поделилась с девушкой коляска и в ужасе закатила глаза.

«Может, прокатимся?» – не отставал джип.

«Оставьте меня в покое», – высоким голосом потребовала коляска.

«Во дает! Сама залезла и сама: оставьте в покое! Сколько в час берешь?»

«Вы меня с кем-то спутали! Я – не такси, – испуганно гневалась коляска и голосила Любе: – Сама подумай: мы с тобой девушки простые, мы для них, джипов, тьфу – пыль под колесами. Изъездит он тебя, Люба, искалечит, и вся любовь».

«Куда уж меня больше калечить? – отрешенно прошептала Люба. – Я чувствую, он – очень хороший человек».

И встрепенулась, просяив.

– Рак! Значит, ваша стихия – вода?

– Рыба, – небрежно процедил Николай, которому очень хотелось похвастаться хоть перед кем-то. – Вода лет десять, еще при Юсифе-бакинце устаканилась. В воде давно полный порядок наведен: кто из какой водопроводной трубы берет, в какую тару разливает, лечебные свойства опять же утвердили, сертифицировали.

Фамилия Николая была Аджипов. Но в пейджерных сообщениях в лихие 90-е, а позже в эсэмэсках, он подписывался Джип, за что в среде коллег и оппонентов, в смысле оппонен-

тов, за ним утвердилась кличка Коля Запорожец. Запорожец, как и его джип, был с Волги. Только джип – из Ульяновска, а Николай – с Жигулей. Родители Николая работали в Жигулях в санатории, мать – кладовщицей, а отец – шофером. Именно отцу Николай был обязан всем лучшим, что было в нем: любовью к порядку и добротой.

– Нет порядка! – сокрушался отец, поднимая на вилке кусок печени в сметане, давеча стоявшей в меню лечебного питания санатория. – Попробовала бы ты эту печенку при Сталине унести! Потому что порядок был!

– А я что говорю? – соглашалась мать. – А главные-то заворуины – кто?

– Начальство, известно кто, – с удовольствием крякал отец. – Где ты банку печени семье, ребенку вон, унесла – все одно ее отдыхающие не доели, там начальство шиферу два грузовика спонерит. И путевой лист выпишут, все чин чинарем, вроде как и не ворованное, вези, Аджипов...

Отец возмущено бросил вилку:

– Да будет ли хоть порядок когда?!

– Откудова ему быть-то? Тут возьмешь от нужды одну простыню несчастную. А главврач пять одеял верблюжьих новых спишет в свой карман и хоть бы хны.

– Если не все, а понемножку, то это не воровство, а дележка, – с сарказмом осудил воровскую натуру главврача отец. Мать заколыхалась.

– Налить под печеночку-то? – участливо спросила она отца.

– Давай.

Он взял в руку холодную бутылку вина.

– Привез, значит, этого самого вина для буфета полмашины ящичков. Вез – не дышал, чтоб значит, не побить. Главврачу говорю: рассчитаться надо за безбойную доставку. А она мне: «Товарищ Аджипов, рассчитываются с вами два раза в месяц в кассе. Груз возить – ваша обязанность». Ах ты, думаю!.. Обязанность! Моя обязанность баранку крутить, а не ящички каравулить. Вот дождусь, как к выездному партийно-хозяйственному активу коньяк КВВК нужно будет с базы везти, да и вспомню про обязанности. Боя у вас заложено две бутылки? Получай!

– Так и надо с ними! А то больно ты добрый.

– Может, хоть тогда порядок наведем, верно, Колюня?

Сегодня Николай мог с удовлетворением сказать, что в сфере воды порядка достичь удалось. Но вот с рыбой – бардак! Большие предстояли дела в этой сфере влияния. Взять хотя бы сельдь. Ведь кто во что горазд! Солят в гаражах, в сараях. Сертификаты чуть не пальцем рисуют. А потом беспланово, не имея понятия о маркетинге, везут свою сраную селедку в каждое встречное сельпо. С ценами из-за этого свистопляска. Ты если задумал сельдью заниматься, так приди, доложись по-человечески. Мы тебе сделаем сертификат – подлинник, чтоб все цивилизованно, за подписью. Санврач в Роспотребнадзоре тоже человек, тоже селедку ест, если к нему, как полагается, так и он с пониманием. Но сельдь – это так, к примеру. В Любин городок Николая вела забота о сушеной рыбке сушник.

– С сушиком у вас тут непорядок. Ценнейший продукт бессистемно разбазаривается, не наполняя налогами бюджеты всех уровней, – сообщил Николай.

И подумал про рейдерский захват пары местных рыбозаводиков. Впрочем, форму смены собственности предстояло решить на месте, по обстоятельствам.

Заслышав из уст Николая о бюджетах, коляска уважительно присмирела.

Это все вранье, что такие, как Коля Запорожец, спят и видят, как бы налогов платить ноль целых цент десятых. Николай, что ли, не понимает, что нужно содержать ментов, школы для ребятни, больницы для старух? Николай как раз-таки очень заинтересован в порядке, Николаю тоже джипы жгут! Николай умеет разделять и делегировать полномочия: зачем ему мелочиться с бабками, которые торгуют сигаретами, клюквой да газетами? Что с их клюквы возьмешь? Он

лучше налоги отчислит, чтоб бабок менты стерегли, защищали сердешных от набегов неорганизованного хулиганья.

– Вы знаете, сколько у нас его! – обрадовалась Люба. – Иной весной столько в озере добывают, что высыплют из баркасов прямо на берег, и рыбаки по колено в серебре ходят. Сушить мест не хватает, так люди все крыши сушиком засыпают: сараи, дома, коровники. Представляете, если сверху на город посмотреть? Все крыши из серебра. Столько сушика!

– Ну? – повеселел Николай.

– Мама рассказывала, раньше они в клуб на танцы полные карманы сушика насыпали и вместо семечек ели. Бесплатное угощенье. Здорово?

– Чего здорового? – нахмурился Николай. – Бесплатное – начало беспорядка. Ничего не должно доставаться бесплатно.

«Вот мироед!» – толкнула Любу коляска.

– Иначе какой смысл корячиться?

Упоминание о бесплатном сушике огорчило Николая. А все потому, что какой-нибудь квотой на улов владеет рыбколхоз, а значит – никто. А без хозяина какой может быть порядок?

– Там чего – акционерное общество? – спросил Николай.

– Где?

– Баркасы, холодильники, коптильни – чьи? Акционировано предприятие?

– Да, – неуверенно ответила Люба. – Вроде. Ой, точно, вспомнила: акции трудовому коллективу принадлежат.

Вот страна немереная! Выкупаешь у работяг-алкашей предприятия, выкупаешь, и все ни конца ни края. Представляю, как эти акционеры дела ведут. Рыбу небось за копейку продают, лишь бы на бутылку хватило. А те алкаши, которые ее покупают, тоже работать не хотят: чего горбатиться, когда закуска почти даром в сельпо лежит? А всякие недобитки из партии власти еще орут, что цены на социальные продукты должны быть низкими. Ну, будет он, Николай, селедку бесплатно раздавать, так налог на добавленную стоимость какой в бюджет поступит? Так вред или польза от дешевых цен стране?

Николай быстро сделал мысленные прикидки по сушику. Если все акции у алкашей – дело сделано. Завтра регистрируется предприятие «Партнер» по скупке акций. Работяги хороших денег давно небось не видели...

– А средняя зарплата у добытчиков сушика насущного какая? – поинтересовался Николай.

«Семь тысяч рублей», – подсказала Любе коляска, имевшая беседу со складской тележкой.

– В сезон – нормально, а так – семь тысяч.

– Нет! – не поверил Николай.

Значит, работяги акции не просто продавать понесут, а ночами дежурить и у дверей будут стоять. Не забыть посетить местные СМИ, заверить, что контрольный пакет акций останется в управлении городом, это на случай, если коммуняки с плакатами приползут: «Не дадим распродать сушика!» Что еще? Сообщить главе самоуправления: с будущего года начнется выплата дивидендов по акциям – один рубль на каждую привилегированную. Это на тот случай, чтоб если кто и решил пока акции попридержать, так теперь уж точно сломя голову в «Партнер» помчатся. Надо будет, наверное, завтра-послезавтра в Москву смотаться – деньжат подстоговать. За неделю, пожалуй, трудящиеся от акций счастливо избавятся, с облегчением вздохнут. А там – по обстоятельствам. Если долгов немерено – придется банкротить. Ну чего, назначим временного управляющего. В первый раз, что ли? Пусть себе управляет не торопясь. Пока долги за электроэнергию не реструктуризируют. Во! С выплатами по картотеке разберемся индивидуально: по исполнительным листам, мамашам-одиночкам – все как полагается, дети – наше будущее. А долги по зарплате... Нет, господа бывшие акционеры, зарплату за про-

шлюгодний сушик вам задолжало АО «Рыбколхоз», а мы – ЗАО «Царь-рыба». Вы же в правовом государстве живете, должны разбираться в таких вещах? Имеете право обратиться в суд.

От мысли, что передел сушика прошел так удачно и в этом секторе рыбодобычи им, Колей Джилом, наведен наконец-то порядок, Николай повеселел. И довольно добродушно взглянул на Любу, смиренно сидевшую на багажнике машины.

– Ну чего?

– Что? – смутилась Люба.

– Слезать думаешь?

– Думаю.

– Давай слезай, пока я добрый.

– Вы всегда добрый, – тихо и серьезно ответила Люба.

– Точно, – согласился Николай. – У меня батька такой же был. Мать ему все говорила: «Не доведет тебя, отец, твоя доброта до добра».

– И что?

– Не довела.

– А что случилось? – расстроилась Люба.

– Долго рассказывать.

Люба понимающе вздохнула.

– Вы мне не поможете, я боюсь с коляской свалиться.

– Ты что – не ходишь?

– Нет, – бесшабашно сказала девушка.

– С ногами чего?

– Ага.

Николай взглянул на парашют.

– Экстремалом увлекаешься? При прыжке сломала?

– Нет. Я такой родилась. Моя мама... Все торопились на первомайскую демонстрацию...

– В колонне затоптали? – поразился Николай.

– Нет, – помотала головой Люба.

– За вином в толпе покалечили? Тогда ведь порядка за вином не было ни фига.

– То и обидно, что толпы никакой не было. Я одна. И вот...

Николай взял Любу за талию, сказал «Держись за меня» и, прижав ее одной рукой к себе, другой подхватил под колени. Люба прильнула к Николаю крепко, как мокрый подол к ногам тонущего. Она дерзко, словно мародер, воровала его запах. Сколько можно украсть за секунду, по истечении которой Люба оказалась сидящей на капоте? Смотря что красть! Бумажник завалит счастьем на неделю. А вмятина запаха в сердце? От нее не избавишься и через семь жизней, даже когда так устанешь любить, что захочешь ненавидеть. Но Люба не знала о том, что любовь дает метастазы, и жадно вдыхала ее губительный запах.

Николай снял с багажника коляску. Пересадил в нее Любу.

– Может, подвезти? – без энтузиазма предложил он.

Люба, кстати, не заметила, что без энтузиазма. Она уже не различала оттенков голоса любимого – метастазы!

– Не надо, – ответила она, имея в виду: «Ну предложи еще раз! Скажи: никуда я тебя не отпущу».

– Тогда – пока!

И Николай уехал. Он был добрым. Но отходчивым.

Люба положила руки на ободы колес и поехала в сторону города. За коляской молча волочился парашют.

Глава 3

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЗВЕЗДАМ

– Надежда, не волнуйся, – взволнованно сказал Геннадий Павлович Надежде Клавдиевне. – Любовь – большая, самостоятельная.

– Любовь – наивная, безрассудная, – не слушала мужа Надежда Клавдиевна. – Всем верит!

– С каких пор верить людям стало плохим качеством? – упорствовал Геннадий Павлович.

– С тех пор, как люди начали врать.

– Я уверен, она сумеет отличить правду от лжи. Любовь – не дура. Дурой ей не в кого быть, она – моя дочь.

– Ну-у! – Надежда Клавдиевна театрально развела руками. – Если в тебя! Теперь я спокойна. Далеко она не уйдет – обдурят на первой же остановке. Я – спокойна. Пусть уходит. Если Любовь в тебя, вернется через сутки без денег и вещей. Все посеет, все!

– Что я посеял, интересно?

– Забыл? – саркастически спросила Надежда Клавдиевна.

– Сколько можно затыкать мне рот трусами?! – возмутился Геннадий Павлович.

– А сколько раз можно терять в бане трусы?!

– Я их не терял. Один раз я их нечаянно выбросил вместе с газетой...

– Это, конечно, меняет дело!

– ...«Правдой», – припомнил подробности Геннадий Павлович. – Помылся. Стал собираться домой. Хвать – трусов грязных нет. Я сразу почему-то подумал, что вместе с газетой их выбросил. Как сейчас помню: вышел из мыльного, подстелил под ноги на пол газету. Обтер ноги грязными трусами и, видно, тут же их и бросил. Да-да! А потом сгреб газету не глядя и кинул в ведро. Главное, я через некоторое время хватился. Но что я должен был делать? Спросить у банщицы, не видала ли она «Правду» в трусах... в смысле трусы в «Правде»? Как-то несерьезно.

– Вот именно – несерьезно. Любовь совершенно не умеет обращаться с деньгами.

– Надежда, если мы сейчас не дадим Любушке уйти своим, выбранным ею путем, она уйдет в себя. Мы ее потеряем!

Уже целый час Люба слушала, как мама и папа спорили за стеной. Она вернулась домой под вечер – парашют унес коляску довольно далеко. Как только Люба въехала на кухню, родители поняли: что-то случилось. Нос Любы обгорел на весеннем солнце, и загар выделялся красным треугольником. Волосы слиплись, джинсы и кроссовки покрылись пылью, руки грязные, как у торговки овощами, да еще и попа застряла в продранном сиденье. Но больше всего родителей напугали глаза Любы – бессмысленные, блестящие, возбужденные.

– Любушка, что с тобой? – взволнованно вскрикнули мама и папа.

– Ты связалась с наркоманами? – догадалась Надежда Клавдиевна.

– Тебя... кто-то... обидел? – вскинулся Геннадий Павлович.

Люба подъехала к раковине и плеснула на лицо холодной водой.

– Папа, растопи титан, я хочу помыться.

– Кто это сделал? – вцепившись в стол, сдавленным голосом спросил Геннадий Павлович.

– Что сделал?

– Втянул тебя в наркоманию! – закричала Надежда Клавдиевна.

– Надругался над тобой! – закричал Геннадий Павлович.

– Почему – надругался? Я не могла сама спуститься. Он меня обнял и помог слезть. А потом коляску тоже снял и посадил меня.

– Откуда снял?! – шумел Геннадий Павлович.

– С джипа.

– Ты попала в автоаварию! – вскричали Надежда Клавдиевна и Геннадий Павлович. – На тебя джип наехал?!

– Нет, это я на него упала сверху.

– С моста, что ли? Говори толком, Люба!

– Да вы же мне слова вставить не даете! Я летела с парашютом...

– С моста?!

– Из самолета. Я прыгнула с парашютом. Парашют отнесло от поля. Я упала с коляской на крышу джипа, вернее, на багажник. В джипе ехал прекрасный человек – Николай. Коля...

Речь Любы замедлилась, глаза опять стали бессмысленными...

Надежда Клавдиевна держалась за сердце. Геннадий Павлович медленно опустился за стол.

– Мы долго разговаривали. Коля очень переживает за судьбу нашего сущика. Я думаю, он – эколог. А потом он обнял меня, взял на руки и опустил с джипа на землю. Папа, растопи титан, мне нужно помыться, потому что я уезжаю в Москву. Мама, где диск с моими песнями?

Люба развернула коляску и поехала в ванную. Геннадий Павлович взял с подоконника газету и спички и покорно пошел за дочерью. В ванной он засунул газету в топку, поджег ее и принялся подкладывать лучину. Он молча брал поленья и колот их на чурочки, засовывал чурки одну за другой в огонь, пока не заполнил топку. Огонь затрещал, зашумело в тяге. Люба набрала воздуха и спросила напряженным голосом:

– Папа, если бы ты был мужчиной...

– Здравсте. А я – кто? – обиделся Геннадий Павлович.

– Я имею в виду, если бы ты был посторонним мужчиной... Как ты думаешь, мужчина может влюбиться в такую, как я?

– В кого и влюбляться, если не в тебя! – убежденно произнес Геннадий Павлович. – Ты у меня самая красивая в мире! Добрая, умная, талантливая, певица!

– Все родители так говорят, – грустно произнесла Люба.

– Нет, не все! Если бы я был мужчиной!.. – с жаром начал Геннадий Павлович.

– Здравсте. А ты – кто? – засмеялась Люба.

– Я имею в виду, если бы я был посторонним мужчиной, я бы тоже, как этот твой Николай, ни минуты не раздумывая, увез тебя с собой.

Люба отвела глаза.

– Потрогай, не нагрелся еще?

Геннадий Павлович дотронулся до титана.

– Теплый. Давай мойся, а то кипяток скоро пойдет. Николай за тобой когда заедет? Нам ведь познакомиться надо.

– Познакомитесь, конечно, – соврала Люба. – Ой, я полотенце забыла. Скажи маме, чтоб принесла.

Люба разделась. Уцепилась за металлическую трубу, укрепленную под потолком вдоль ванной, и, подтянувшись, перенесла тело на деревянный настил около ванны. Затем с помощью рук перекинула обе ноги, оперлась ладонями на края ванны и опустилась на дно. Открыла кран в титане и вытянулась под струей теплой воды.

«Слезла наконец-то, – проворчала коляска. – Я ведь не молоденькая, чтоб и с парашютом, и по шоссе сколько верст!»

– Любушка, это я, – постучалась Надежда Клавдиевна.

Она положила возле ванны полотенце, белье и хотела было что-то спросить. Но увидела продранное сиденье коляски.

– Дай-ка зашью скорее! А то Николай твой увидит, скажет: вот так дела! Хороши родители, девку замуж отдают, а коляска рваная. Но я, Люба, сразу тебе свою позицию говорю: я против, чтобы ты прямо сейчас уезжала. Поживите сперва у нас! Мы этого Николая и знать не знаем. Вдруг – нате вам! Дочку увозит. Что за человек? Может – плохой?

– А вдруг – хороший? – засмеялась Люба. – Мама, ты не беспокойся. Я ведь не маленькая!

Надежда Клавдиевна вздохнула и покатила коляску прочь. На кухне они с Геннадием Павловичем опустили на колени по обе стороны колес и взялись за дело: Надежда Клавдиевна приложила к сиденью кусок вырезанного из старой сумки кожзаменителя, а Геннадий Павлович снял подлокотник и подножки и принялся протирать и смазывать штыри.

– Не пущу я Любовь в Москву! – высоким голосом сказала Надежда Клавдиевна, сделав очередной нервный стежок суровыми черными нитками. – Любовь – не для Москвы. В Москве – одна суета да обман. Не пущу!

– Рано или поздно это должно было случиться, – примиряюще произнес Геннадий Павлович.

– «Коля», – передразнила Надежда Клавдиевна дочь. – Кто такой – Коля? Кто за ней в Москве этой ухаживать будет? Кто ей титан растопит? Да Коля этот небось и дров наколоть не умеет.

Мимо кухни проползла на бедре, волоча ноги в старых серебристых лосинах, Люба. Мокрые волосы еще больше придавали ей сходство с русалкой.

Геннадий Павлович и Надежда Клавдиевна дружно выдохнули:

– С легким паром, Любушка!

Вскоре отец завез к Любе начищенную, смазанную коляску. Люба закрыла глаза, делая вид, что спит.

– Любовь – глупая, простодушная! – вновь донеслось до нее, когда Геннадий Павлович выходил из кухни и приоткрыл дверь.

«Ты мать-то послушай, – посоветовала коляска. – Мать тебе худого не пожелает, потому она и называется: мать».

«Все уже решено, – решительно сказала Люба. – В пять часов утра мы с тобой уезжа ем в новую жизнь! Ой, не забыть мобильник на зарядку поставить! Хотя денег там все равно нет...»

«Это какой же поезд утром в новую жизнь едет? На Москву вроде вечером состав проходит?»

«Пешком поедем».

«До Москвы?! – возмутилась коляска. – Ты, видать, надсадить меня хочешь, в гроб вогнать! Я несогласная! Не потому, что не хочу тебя до новой жизни довести, а просто по состоянию здоровья не могу».

«Поезд, значит, может, а ты – нет?»

Коляска запыхтела.

«Да ведь поездом сподручнее! Села – поехала, знай в окно гляди да чай с сахаром спрашивай».

«Я уже посчитала. Поезд проходит по нечетным, значит – послезавтра. Я боюсь, что за это время меня решимость покинет или родители потребуют Николая предоставить. Или еще что другое произойдет... Нет, утром – или никогда! Давай вещи собирать».

«Хорошо, – вздохнула коляска. – Давай. Ну, доедем до Москвы. А дальше-то что? Которые на ногах певицы не могут в люди выйти. Там, говорят, раскручиваться надо. Ты на чем раскручиваться будешь? У меня ведь головокружение, сама знаешь. Без ног ведь ты, Люба!»

«А где написано, что идти по жизни полагается ногами? Кто-то брякнул, а все и поверили. Живут же дельфины без ног...»

«Ты еще русалок вспомни».

«Дай помечтать! – жалобно пробормотала Люба. – Я стану известной певицей, Николай сможет мною гордиться».

«Ах, вот чего ты засобиралась в Москву! – встрепенулась коляска. – Джип этот тебе голову задурил».

Люба запрокинула лицо, зажмурила глаза и прижала руки к груди, обхватив себя за плечи.

«Какой он красивый!..»

«Чего красивого? – рассеянно пробурчала коляска. – Я понимаю – атлантик лазурит цвет или зеленый. Мелкими розочками мне нравится, купоном понизу. А тут – бурый ка кой-то».

«Какой у него запах!.. – Люба скомкала и приложила к лицу край одеяла. – Я с ума сойду от его запаха!»

«А какой такой запах? Бензином несет, пылью, резиной немойтой. Тьфу!» Люба и коляска перешептывались до полуночи. Надежда Клавдиевна и Геннадий Павлович тоже долго не могли заснуть. В первом часу ночи Надежда Клавдиевна скомандовала:

– Ладно, чего из пустого в порожнее переливать. Поезд по нечетным проходит, значит, послезавтра...

– Теперь уж – завтра, – поправил Геннадий Павлович, поглядев на будильник.

– ...до послезавтра (Надежда Клавдиевна пыталась выгадать день до расставания) Николай придет, все обговорим, паспорт у него посмотрим.

– Верно, – согласился Геннадий Павлович.

– Давай укладываться. Любушка спит давно небось, мешаем ей, – проговорила Надежда Клавдиевна, замахнувшись на комара.

Около пяти часов утра Люба положила на кровать листок с запиской и осторожно подъехала к комнате родителей.

Они спали на разложенном диване.

Над диваном висел ковер, а на ковре – фотография пятилетней Любы с капроновым бантом на полголовы. (Геннадий Павлович самолично увеличил и приклеил фотографию на кусок фанеры и покрыл лаком.)

На лбу Геннадия Павловича, около волос, сидел комар с раздувшимся рубиновым, как плодово-ягодное вино, брюшком.

– Кыш! – шепотом сказала Люба. – Пошел вон!

Комар поопористее расставил лапки и покосился на Любу.

– Мамочка, папочка, до свидания! – еле слышно прошептала Люба.

Сердце девушки сжалось: она никогда еще не обманывала родителей...

Она вздохнула и тихонько развернулась в коридоре. Затем прикрыла дверь к родителям и поехала в сени. Возле своей комнаты Люба подхватила с пола рюкзак и водрузила себе на колени, надев лямки на плечи.

В сенях было зябко. Люба застегнула верхнюю пуговицу джинсовой куртки.

«Выдумала в мае пешком ездить», – заворчала коляска.

Люба вытащила длинный металлический крюк из ушка в двери, тихо опустила его вдоль стены. Открыла дверь и привычным движением ловко преодолела высокий порог. За порогом звонко, как хор мальчиков, пели птицы.

Люба выехала на влажную дорогу.

Дом Зефириных стоял на окраине городка: несколько деревянных двухквартирных домиков с огородами и палисадниками, павильончик с продуктами, пилорама, от которой разносился запах новогодней елки, новехонькая бензозаправка с развевающимся флагом нефтяной компании да бетонный мостик через речку. И все! Дальше – шоссе, знай себе дуй без остановки до новой жизни. Прямиком и не сворачивая!

Люба легко крутила ободья колес, восторженно озирая картину утра: еще не просохшее нежное небо, соломка прошлогодней стерни, пригорки, усыпанные цветками мать-и-мачехи и одуванчиков, желтыми, как конфеты-лимончики, лакомство Любиного детства. Люба раскусывала лимончик на две половинки, выгрызала кислую ярко-желтую серединку, а обсыпанные сахаром бледные скорлупки складывала на блюдце – вечером их съедал за чаем Геннадий Павлович.

«Озимые нынче какие дружные», – деловито произнесла коляска, оглядев зеленый ежик полей, задорный, как у юного панка.

«Чего я дома сидела? – с радостным недоумением возбужденно говорила Люба. – Давно надо было в певицы ехать! Чего тут сложного? Ничего тут такого сложного нет. Собралась да поехала».

«Под Москвой-то, по телевизору говорили, мафия на дорогах орудует, – докладывала Любе коляска. – Со всякого проезжающего дань требуют. Сто рублей с колеса!»

«Откуда ты знаешь, что – сто?»

«Прикидываю. По рублю – мало. По тысяче – лишку. Значит – по сто. Ой, что же это, с меня четыреста рублей мафия затребует?! Ну уж нет. За большие колеса я согласна рубликов десять отдать, раз порядок такой, а за малые – нет».

«Не бойся, я мафии песни свои спою, и она нас пропустит бесплатно».

«Как же – бесплатно! Да в Москве, говорят, даже уборные платные! По году небось уборные не выгребают... Да какое по году! По два! Да еще и деньги за нужду берут».

По шоссе мимо Любы проносились веселые горластые лесовозы с веселыми же водителями за рулем и трудолюбивые молочные цистерны. Иногда лесовозы тормозили возле Любы, шоферы выглядывали в открытое окошко и радостно кричали Любе, не требуется ли ей помощь.

– Сама-то куда едешь?! – кричали водители, и на лицах их не было следов печали.

– В Москву! – кивала в сторону горизонта Люба.

– Чего делать там?

– Петь.

– А что? – соглашались шоферы. – Правильно! Москва – большая. Там все поют, кому не лень. В переход только спустишься – уже песни кругом. Проживешь!

– Держи! – крикнул Любе один шофер и бросил ей на колени чупа-чупс.

Люба развернула слюдяную косынку и сунула леденец за щеку.

Около девяти часов утра мимо Любы, притормаживая, проехал огромный, как грудь кормилицы, молоковоз. Шофер приоткрыл дверцу и обернулся назад, поджидая, когда подъедет Люба.

– Здравствуй! – весело поприветствовал он девушку. – Помочь?

– Спасибо, не надо! Вы не знаете, здесь кафе какое-нибудь будет?

– А вон уже видно, слева. Тебе кофе или чай купить?

– Ой, что вы, я сама, – засмушалась Люба.

– Да ладно! Кончай скромничать. У Сергеевны вечно кипятком, как раз пока подъедешь – остынет немного. Так кофе?

– Ага. Три в одном.

– Да хоть пять! – пошутил шофер.

Когда Люба подъехала к кафе, водитель молоковоза уже сидел за пластиковым красным столиком и поглощал разрезанный вдоль батон с заложенными в него котлетами.

Люба достала из рюкзака бананы и печенье:

– Угощайтесь!

– Не-е, бананы – это для девчат вроде тебя. А шоферня бананы не ест, чего добро переводить?

– Молоко везете?

– Ну.

– Куда?

– В Москву.

– В Москву?! – обрадовалась Люба. – И я – в Москву.

Люба отпила горячего кофе, блаженно откинулась на спинку коляски и оглядела молоковоз, стоящий у обочины заасфальтированной поляны.

– Завтра уже молоко наше москвичи пить будут, да?

– Нет, – замотал головой шофер. – Его высушат в порошок. Потом порошок водой разведут. И тогда уже молоко продавать будут.

– А зачем так? – удивилась Люба.

– Ну-у... – пожал плечами водитель. – Чтоб не скисало дольше. Ты вот кто, чем занимаешься?

– Певица, – порозовев, сказала Люба.

– Зачем певицы песни сперва записывают, а потом уж поют под фанеру?

– Не все же так делают, – сказала Люба, но тут же вспомнила, что в рюкзаке у нее лежит диск. Чтоб не скисала песня дольше, – засмеялась она. – Вас как зовут?

– Сергей. А тебя?

– Любовь Зефирова. Как увидите афиши «Любовь Зефирова в новой шоу-программе «Колеса фортуны» – это я. Приходите на концерт!

– Обязательно! Я с живой певицей первый раз встречаюсь. Давай я тебе еще кофе принесу. Не, денег не возьму! Жаль, ехать нужно: молоко перегреешь, перетрясеешь по жаре, так сортность снизят.

Сергей пошел к машине и, уже открыв кабину, повернулся к Любе и прокричал:

– А ты в Москву-то на чем едешь?! Где твой автобус?! Или лимузин у тебя?!

«Джип!» – охнула коляска.

– Джип... – растерянно сказала Люба, глядя на трассу.

С шоссе медленно съезжал по направлению к Любиному столику вишневым внедорожник.

«Здорово, дальнобойщица!» – жизнерадостно гаркнул джип коляске.

Коляска возмущенно запыхтела.

«На трассе, что ли, трудишься?» – подмигнул джип коляске.

«Любушка, если этот хам сейчас не замолчит, я не знаю, что с ним сделаю!»

Люба укоризненно посмотрела на джип.

«Да ладно, девчонки, я ж шучу».

– Привет, – сказал Николай в окно. – Ты чего здесь? Опять парашют не раскрылся?

– Привет, – произнесла Люба охрипшим голосом.

Сердце ее так заколотилось, что коляска принялась бормотать про виброблезнь, от которой она, коляска, несомненно, получит большой урон здоровью, а то и вовсе полную нетрудоспособность.

Люба поставила локоть на рюкзак, прижала кисть к подбородку, прикусила ноготь большого пальца и сияющими глазами стала поглощать картину выхода Николая из джипа. Николай прибавил громкости магнитоле, одновременно оглядев окрестности в зеркало заднего вида, и неторопливо, как врач скорой, вышел из машины.

– Как дела? Чё нового в авиации? – сказал он, садясь за Любин столик.

– Хорошо дела! – призналась Люба. – Жизнь вот новую начала.

– Курить, что ли, бросила? – рассеянно поинтересовался Николай.

- Нет, – засмеялась Люба. – А хотите кофе? Три в одном?
- Да я такую парашу не пью.
- А банан? Хотите?
- Ну давай.
- Вы только хороший кофе пьете, да?
- А чего дешевку покупать? Надо же уважать себя, правильно?
- Правильно. У вас прекрасный вкус, да?
- Что есть, то есть. На вкус не жалуюсь: водку от пива отличу.
- Люба звонко рассмеялась. Коляска занервничала.
- У вас такое чувство юмора колоссальное!
- Не жалуюсь. Хочешь анекдот?
- Про Вовочку?
- Не, про ментов.

Люба смеялась, поднимала тонкие брови, терла под мочкой уха, демонстрируя изящность ногтей, и обводила пальцем вокруг губ, и запрокидывала голову, и расстегивала верхнюю пуговицу джинсовой куртки, и вновь звонко хохотала.

«Тьфу! – выходила из себя коляска. – Ты еще спой ему да ботинки начисть! Люба! Люба!» Но Люба не слышала. Любовь, проникшая в ее организм воздушно-капельным путем, таилась всего сутки. (Это была самая коварная ее форма – весенняя пандемия.) И вот вам – пожалуйста! – уже к десяти часам утра любовь отравила Любу продуктами горения: Люба поглупела!

«Ты подумай, чего любовь с людьми делает, – охала коляска. – Вчера еще девка как девка была, а сегодня дура дурой. Люба, очнись. Ехать надо!»

- Николай, откуда вы столько всего знаете? – сияла Люба.
- В библиотеку часто хожу.
- Какой вы молодец!

«Люба, ты с ума сошла? – дергала девушку за джинсы коляска. – Он ведь смеется над тобой».

Люба не откликалась.

- Почему вы так быстро уезжаете? – вспомнила вдруг Люба.
- Надо в Москву смотаться, зелени подстоговать.
- А где вы в Москве живете?
- Метро «Тимирязевская».
- Значит, в Москве тепло, трава уже большая? А я в куртку вырядилась.
- Ты тоже, что ли, в Москву? – спросил Николай.
- Да!
- И чего там?

– Много разных дел, проектов. Я ведь автор песен. У меня и диски есть. Путину нужно будет обязательно свои песни спеть. Я ведь на Красной площади уже выступала. Договоренность есть: создать при Путине совет по делам людей с ограниченными возможностями.

Николай уставился на Любу.

– Ассоциацию инвалидов – деятелей шоу-бизнеса организовать, – фонтанировала Люба. – В Москве ведь есть певцы-инвалиды, да? Слепая певица есть, без ноги певец, с жабрами этот... как его? Забыла. Безголосых много, – напоследок пошутила Люба.

Николай шутки не понял.

– Ассоциация певцов-инвалидов? И Путин в курсе? – спросил Николай. – Слушай, удачно я тебя встретил.

Люба закусила губу от счастья. В груди ее жгло, словно на сердце плеснули кипятка.

- И что Путин твоей ассоциации разрешил? Какие виды деятельности?

– Студия звукозаписи для инвалидов, дискотека для инвалидов, клуб...

– Ночной? – уточнил Николай.

– Тоже можно, – согласилась Люба. – В Москве пройдет Год равных возможностей. Путин с Лужковым встречались с такими, как я, и сказали: столица в первую очередь должна стать доступной для людей с ограниченными возможностями. Большие деньги выделены.

– Инвалид-боулинг? – с подъемом предложил Николай. – Для людей с ограниченными возможностями? Пострадавшим в военных конфликтах вход бесплатный. Торгово-закупочную деятельность в устав пропишем. Так чего сидим? Поехали?

– Поехали!

– А ты на чем сюда добралась? На автобусе, что ли? Или опять на парашюте?

– На коляске. – Люба положила руки в старых кожаных перчатках с обрезанными пальцами на ободья колес.

Николай напряг глаза:

– Ты в Москву на коляске собиралась ехать?

– Да, а что такого? Я сильная!

– Вижу...

«Хы! – возмутилась коляска. – Она сильная! Села мне на шею, третий стакан кофе пьет, балясничает, а я стой на солнцепеке!»

– Садись в машину, – скомандовал Николай. – Теперь в машине будешь ездить.

«Любушка, родненькая, не бросай меня!» – запричитала коляска.

Люба объехала джип, открыла переднюю дверь и принялась торопливо снимать подлокотник, чтобы пересесть с коляски на сиденье.

– Подожди, – остановил ее Николай.

Он просунул руки под Любину спину и колени, легко поднял ее и, отпихнув ногой коляску, опустил ношу на сиденье.

Любино сердце колотилось в грудь, как загулявший пьяница в двери сожительницы.

«Любушка! – заголосила коляска. – Я-то как же?»

«Залезай ко мне!» – нахально предложил джип и распахнул багажник.

– Коля... – Люба первый раз назвала так Николая и замерла от волнения.

Николай кивнул:

– Ну?

– Коля, – теперь уже смелее произнесла Люба, безудержно счастливая от близости, каковая, по ее мнению, случилась при переходе на ласково-уменьшительное имя. – Коляска складывается, так что можно ее на заднем сиденье положить, она там ничего не запачкает.

«Я сказала «Коля», а он ничего не сказал на это, – лихорадочно подумала Люба и сделала нелогичный вывод: – Он не против: я ему нравлюсь!»

«Хм, – вскинулась коляска, – «не запачкает»! Я может, отказываюсь в этом наглом джипе ехать».

«Да не бойся, – успокоил ее джип. – Не захочешь, так не трону».

– Здесь что? – Николай снял с сиденья коляски пакет. – В багажник можно бросить или бьющееся?

– Утка... – дрожащим голосом ответила Люба.

– Надувная, что ли?

– Нет, обычная.

– А чего таскаешь? Подарок, что ли?

«Талисман», – гордо ответила утка.

– Нет, не подарок. Так, на всякий случай, – жалобным шепотом ответила Люба.

«Не на всякий, а на каждый!» – сердито поправила утка.

«Ты чего раскрякалась? – оборвала ее коляска. – Помолчать не можешь? Видишь, в какое неловкое положение Любу ставишь?»

«Я?! – возмутилась утка. – Он первый начал. Уток, что ли, не видел?»

– Давайте ее сюда, – попросила Люба.

– Пусть на заднем сиденье лежит, не мешает, – решил Николай.

Выплывшая на свет божий эмалированная утка повергла Любу в отчаяние:

«Никогда меня никто не полюбит, потому что я калека. Калека!»

Не нужно было Любе так думать. Зря она так. Подточенные ледяным ручьем уничижения, ее гордость и уверенность в себе начали стремительно рушиться. Ведь пока что вера в себя была сложена из слов Геннадия Павловича и Надежды Клавдиевны, их заверений в красоте и уме Любы, ее таланте и отваге. Любе еще только предстояло возвести крепкую постройку, способную выдержать насмешки, удивление и безответную любовь. Но ведь был прыжок с парашютом, искренние песни, долгие часы тренировок силы рук? Были поступки – крепкие камни в фундаменте. И они останутся, несмотря на Любину минутную слабость. И даже это сомнение в себе рухнет не в сторону, а внутрь души, придав крепости ее основанию. Впрочем, кажется, лавина уже прошла, прошуршали последние падающие песчинки...

«Пусть Николай никогда не полюбит меня, но я буду любить его, – с радостью, полной тоски, произнесла Люба. – Мне этого хватит. Наверное, это нужно, чтобы я написала новые песни? Ведь не может быть, чтобы все было просто так, без смысла – щипцы, инвалидность, коляска? Ну уж нет. Я уверена: судьба лишила меня ног, чтобы я случайно не пошла не своей дорогой!»

Люба сглотнула слезы и громко сказала, перейдя на «ты»:

– Нет, Коля, давай утку сюда. Это ведь мой переносной унитаз. Круто – да?

Николай раздумчиво сказал «А-а-а!» и засмеялся:

– Круто.

– Знаешь, как удобно! Мобильно! Николай с веселым удивлением принялся разглядывать Любу:

– Слушай, а ты молодец! Уважаю!

– Коля, смотри на дорогу, а то врежемся в лесовоз, – посоветовала Люба.

«Не врежемся, – небрежно бросил джип. – А врежемся, так мало лесовозу не покажется».

«Ой-ёй-ёй, какие мы крутые, – пробурчала коляска. И тут же вскрикнула: – Люба, он ко мне пристаёт!» Джип ржал и прибавлял скорости. А Люба прибавляла громкости магнитоле и небрежно, без стыда, робости и смущения, клала руками согнутую в колене безжизненную ногу на колесо, завернув ее «по-турецки».

Неожиданно заиграл мобильник.

– Родители, – выдохнула Люба. И быстро прокричала в трубку: – Да, мама! Прекрати! Мы уже едем. С Николаем, на его машине. Мама, все будет хорошо! Все, не трать деньги! Нас Путин ждет!

«Хватит, телефон отключаю, а то родители покоя не дадут!» – пробормотала она коляске.

Глава 4

ДОРОЖНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ

– Представляешь, я хотела в школьном спектакле «Елка в Сокольниках» Ленина играть, а пионервожатая возмутилась: учение Ленина должно твердо стоять на ногах!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.